

УДК 902/903
ББК 63.4

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.319.334>

КРЫШКИ НА СОСУДАХ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ФРОНТОВОЕ 3). К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА¹

©2026 г. А.Н. Свиридов

В статье рассматриваются некоторые особенности погребального обряда, зафиксированные на отдельных памятниках Юго-Западного Крыма. В ходе изучения полностью раскопанного в 2018 году в пригороде г. Севастополь некрополя Фронтвое 3, был открыт ряд малоизвестных на памятниках римского времени Крыма обрядовых практик. Одной из них, массово выявленной на могильнике, является перекрытие керамических сосудов закрытых форм своеобразными крышками. В статье рассматриваются планиграфические особенности распространения подобной черты обряда, изучается материал крышек, а также обсуждается форма сосудов, которые они перекрывают. Рассматриваются вопросы, связанные с происхождением данного обряда, приводится круг аналогий. В результате изучения этого феномена высказывается мнение о наличии локальных обрядовых приемов у населения, проживавшего в Бельбекской долине в 1-й половине I тысячелетия.

Ключевые слова: археология, римское время, могильник Фронтвое 3, погребальный обряд, заупокойная пища, краснолаковая посуда, лепная посуда, каменная крышка.

LIDS ON VESSELS IN ROMAN PERIOD BURIAL ASSEMBLAGES IN SOUTHWESTERN CRIMEA (BASED ON THE MATERIALS OF THE FRONTOVOYE 3 BURIAL GROUND): RAISING AN ISSUE²

A.N. Sviridov

The article examines certain features of the burial rite recorded at specific archaeological sites in Southwestern Crimea. During the study of the Frontovoye 3 burial ground, which was fully excavated in 2018 in the suburbs of Sevastopol, a number of ritual practices previously little known at Crimean Roman period sites were discovered. One such practice, widely documented at the burial ground, involves the covering of closed-form ceramic vessels with distinctive lids. The article discusses the planographic distribution patterns of this ritual feature, examines the material of the lids, and explores the forms of the vessels they cover. Issues regarding the origin of this rite are addressed, and a range of analogies is presented. As a result, the author suggests the existence of local burial traditions among the population inhabiting the Belbek valley in the first half of the first millennium AD.

Keywords: archaeology, Roman period, Frontovoye 3 burial ground, burial rite, funeral food, red-glazed ware, hand-made vessel, stone lid.

Традиционно считается, что погребальный обряд является алгоритмом действий и мероприятий с устоявшимся, четко определенным набором правил. Вероятнее всего для большинства древних обществ погребальный обряд был строго регламентирован и незначительные вариации могли допускаться в пределах обрядовых норм. Изучение отдель-

ных обрядовых практик тех или иных народов поможет лучше понять их культурные традиции, связи с соседями и религиозные представления.

В 2018 году на левом берегу р. Бельбек в Нахимовском районе г. Севастополь Крымской новостроечной археологической экспедицией Института археологии РАН

¹ Исследование выполнено в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований 2010—2020 гг.» (№ НИОКТР 122011200265-6).

² The research was carried out as part of the research topic of IA RAS "Preservation of archaeological heritage: methodological aspects and field research materials for 2010-2020" (R&D No 122011200265-6).

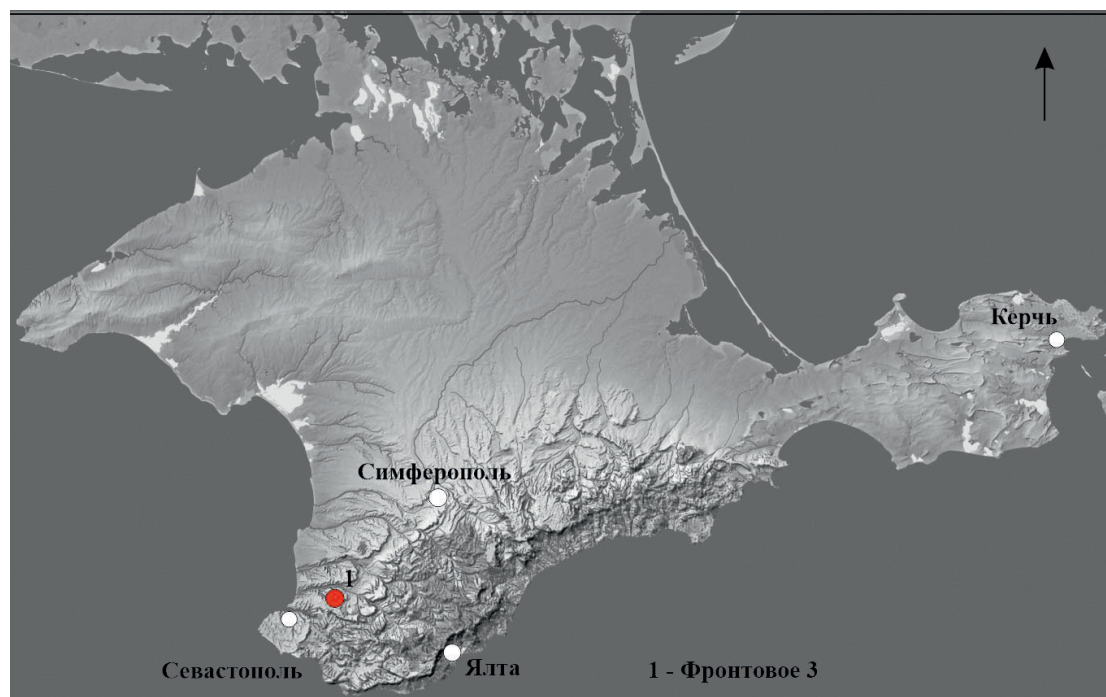

Рис. 1. Могильник Фронтвое 3. Расположение на плане Крымского полуострова.

Fig. 1. Frontovoye 3 burial ground. Location on the map of the Crimean peninsula.

был открыт и полностью изучен могильник Фронтвое 3 (рис. 1). В результате исследований выявлено 332 погребальных сооружений, содержащих более 420 погребенных. За исключением четырех могил эпохи бронзы все изученные захоронения относятся к римскому времени и могут быть датированы последними десятилетиями I – началом V в. н.э. Могильник имеет четкую планиграфическую структуру и содержит выразительные комплексы с хорошо датированным инвентарем. Эта особенность позволила выделить в его развитии два периода, первый датируется последними десятилетиями I – первой половиной III в., второй период с середины III по начало V в. Материалы памятника опубликованы (Гавритухин и др., 2020; Свиридов, Язиков, 2023; 2024а; 2024б).

Материалы могильника Фронтвое 3 дают возможность по-новому взглянуть на погребальный обряд варварского населения, его особенности, а также на проявляющиеся изменения с течением времени. Благодаря установленной последовательной линии развития могильника с СЗ на ЮВ были выявлены отдельные хронологические особенности в погребальном обряде, имеющие четкую зональность. Отслеживание динамики трансформации погребального обряда в рамках

одного памятника поможет уточнить хронологические и этнические изменения происходящее в обществе, оставившем его.

Для различных хронологических зон некрополя характерна определённая специфика расположения керамической и стеклянной посуды в могиле.

Практически всегда керамическая посуда размещается за головой погребённого, но ее состав и количество имеет некоторые отличия для различных этапов развития памятника. В рамках настоящей работы рассмотрим только общую характеристику размещения сосудов в погребальных комплексах некрополя Фронтвое 3, более подробнее она представлена в специальной статье (Свиридов, 2024а, с. 33–34).

Для раннего этапа некрополя, датируемого последними десятилетиями I в., набор посуды в могиле представлен комбинацией сосуда открытой формы с напутственной пищей и ножом внутри, совместно с сосудом закрытой формы (рис. 2: 1, 2). В отдельных случаях ставился только один сосуд открытой формы. Могилы с указанной обрядовой практикой являются преобладающим типом вплоть до второй четверти II в. Отдельные комплексы расположены среди погребений, датирующихся последними десятилетиями II – серединой

Рис. 2. Могильник Фронтвое 3. Расположение посуды и напутственной пищи в погребениях.

1 – могила 202; 2 – могила 287; 3 – могила 71; 4 – могила 191; 5 – могила 51; 6 – могила 137.

Fig. 2. Frontovoye 3 burial ground. The arrangement of pottery and funeral food in graves.

1 – grave 202; 2 – grave 287; 3 – grave 71; 4 – grave 191; 5 – grave 51; 6 – grave 137.

III в. Другой обрядовой чертой является помещение за головой погребенного одного керамического сосуда закрытой формы вместе с мясной пищей, уложенной на полу подбоя (рис. 2: 3, 4). В отдельных случаях ставились только сосуды, либо укладывалась только мясная пища. Наиболее ранние комплексы с набором подобного типа известны в ранней зоне кладбища и могут датироваться концом

I – 1-й четвертью II в. С середины II до конца III века подобная обрядовая практика доминирует в размещении напутственной пищи и посуды в могилах. В конце II – 1-й половине III в. в погребениях на северо-восточной периферии и центральной части некрополя появляется практика размещения в могиле двух краснолаковых сосудов закрытых форм, иногда с добавлением стеклянных сосудов.

Примерно в это же время распространяются могилы, в которых помещены лепные сосуды. С середины III века употребление лепной посуды в обряде значительно возрастает, при этом лепные кувшины встречаются в том числе и как единственные керамические сосуды закрытых форм в могиле. Начиная со второй четверти IV века резко меняется система размещения посуды совместно с заупокойной пищей в погребениях. Преобладают многочисленные посудные сервизы (рис. 2: 5, 6). При этом встречаются как краснолаковые, так и лепные сосуды, зачастую дополненные посудой из стекла. Во 2-й четверти IV – начале V в. на памятнике в отдельных комплексах вновь появляется практика размещения мяса копытных животных внутри сосудов открытых форм. Но для комплексов этого времени керамический набор и напутственная пища имеет уже другой состав – помимо мяса копытных животных использовались мясо птицы и куриные яйца.

Одной из уникальных обрядовых черт, массово выявленной на могильнике, является практика перекрытия керамических сосудов закрытых форм своеобразными крышками.

Всего подобная черта обряда выявлена в 122 случаях (рис. 3). Сосуды с крышками обнаружены в основном в подбойных могилах (рис. 4), в одной из грунтовых могил. В грунтовых склепах подобные случаи не зафиксированы. В основном крышки на сосудах характерны для погребений конца I – середины III в., среди захоронений, датированных IV в., известно всего несколько случаев.

Крышками накрыты были сосуды различных типов (табл. 1). Наиболее часто это краснолаковые кувшины, всего сосуды подобной формы перекрыты крышками в 91 погребении, краснолаковые кружки отмечены в 17 могилах, краснолаковые столовые амфоры в 9 случаях, краснолаковые кубки в 2 комплексах. В единичных случаях перекрыты были амфора светлоглиняная, горшок лепной, ойнахойя краснолаковая. Использование посуды скорее всего зависело от периода совершения погребения. Кувшины являются наиболее встречаемым типом сосудов закрытых форм, поэтому их известно наибольшее количество. Столовые амфоры были обнаружены в ранних погребениях, датированных концом I – началом II века. Кружки преимущественно так же характерны для комплексов первого периода развития могильника, в основном встречены в погребениях II в. В одном случае в комплексе конца II – первой половины III и в одном случае в могиле, датированной 2-3 четвертью IV в.

Значительный интерес вызывает материал, из которого изготовлены крышки и специфика их распространения на могильнике. Материал представлен тремя типами: камень, фрагменты лепных и краснолаковых сосудов. Каменные крышки встречаются наиболее часто. Они обнаружены в 82 (67,2%) случаях, выполнены из известняка. Крышки из камня имеют некоторую вариативность. Чаще всего использовались небольшие плоские камни размером до 10х10 см (рис. 5: 1, 2; 6: 3, 6, 8, 16), в ряде случаев плоской является только одна сторона, тогда как другая представлена в

Таблица. 1. Соотношение форм посуды, накрытой «крышками» в могильниках Фронтвое 3 и Бельбек IV.

Table. 1. The correlation of shapes of pottery covered with "lids" in the Frontovoye 3 and Belbek IV burial grounds.

Категория керамики	Фронтвое 3		Бельбек IV	
	Количество	Процент	Количество	Процент
Краснолаковый кувшин	91	74,5	34	74
Краснолаковая кружка	17	14	4	8,7
Краснолаковая столовая амфора	9	7,4	2	4,3
Краснолаковый кубок	2	1,7	2	4,3
Светлоглиняная амфора	1	0,8	-	-
Горшок лепной	1	0,8	-	-
Краснолаковая ойнахойя	1	0,8	1	2,2
Красноглиняный горшок	-	-	1	2,2
Краснолаковый канфар	-	-	2	4,3
	122	100 %	46	100 %

Рис. 3. Могильник Фронтвое 3. Планиграфия распространения могил с «крышками» на керамических сосудах закрытых форм: 1 – крышка из камня; 2 – крышка из фрагмента стенки краснолакового сосуда; 3 – крышка из фрагмента стенки лепного сосуда.

Fig. 3. Frontovoye 3 cemetery. The spatial distribution of graves with "lids" on closed-shape ceramic vessels:
1 – a lid made of stone; 2 – a lid from a fragment of the red-glazed ware;
3 – a lid from a fragment of the hand-made vessel.

виде «рванного» камня (рис. 5: 3; 6: 7, 9, 13). Ко второму варианту могут быть отнесены камни, несомненно оббитые по определенному размеру, но не уплощенные, поверхность их неровная (рис. 6: 1, 2, 10). В ряде случаев подобные аморфные камни имели небольшой размер и не перекрывали сосуд сверху, а располагались в горле сосуда, в виде свое-

образной пробки (рис. 5: 4, 5; 6: 4, 5, 14, 15). Подобная ситуация отмечена примерно в 15 могилах, при этом большинство из них расположены в ранней зоне некрополя, среди погребений, датированных концом I – началом II в. В одном случае (могила 219) роль крышки выполнял фрагмент предположительно зерно-тёрки (рис. 6: 11).

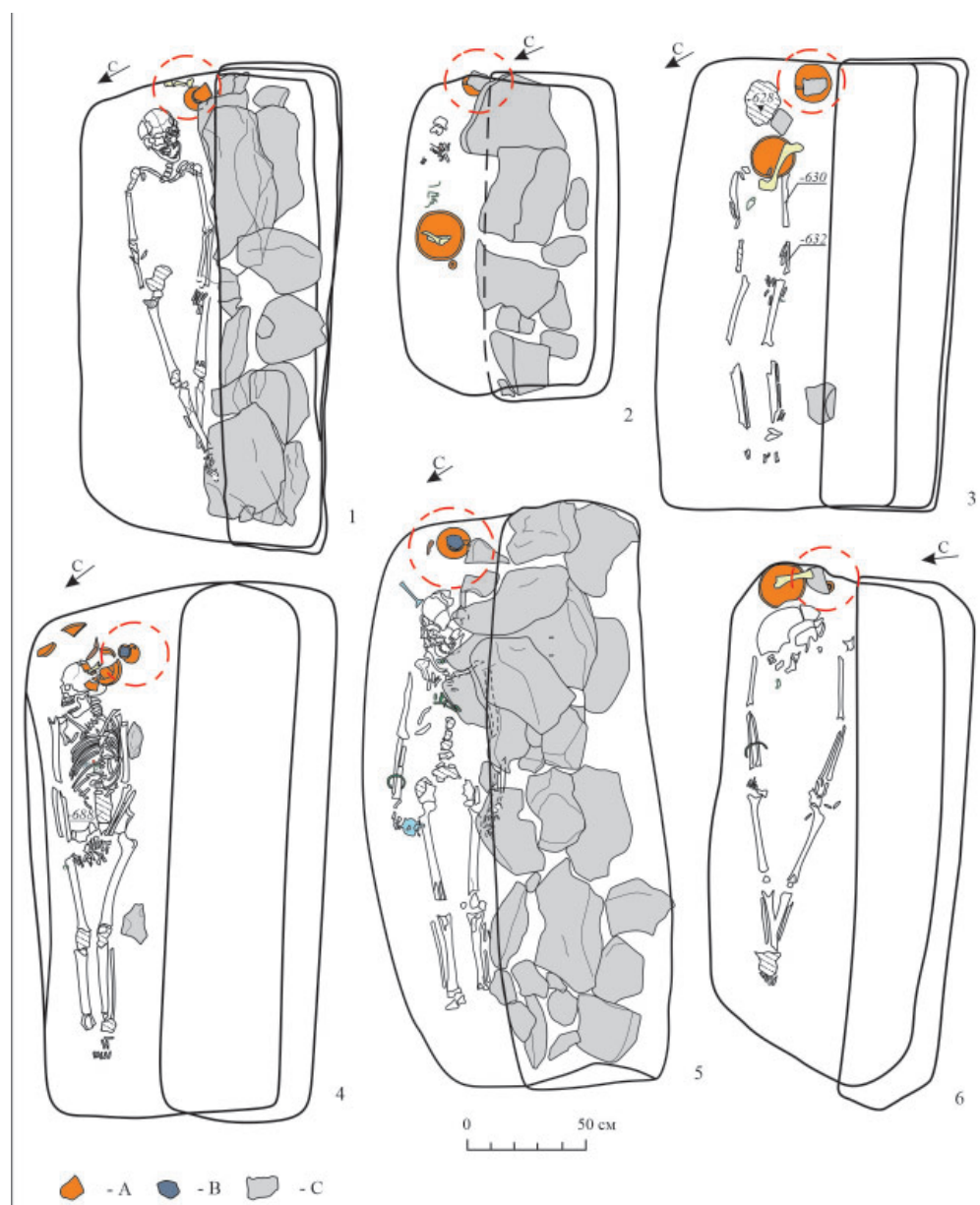

Рис. 4. Могильник Фронтвое 3. Планы погребений с сосудами накрытыми «крышками»: 1 – могила 117; 2 – могила 278; 3 – могила 277; 4 – могила 265; 5 – могила 288; 6 – могила 260.

A – стенка краснолакового сосуда; B – стенка лепного сосуда; C – камень.

Fig. 4. Frontovoye 3 burial ground. Grave plans with pottery covered with "lids":

1 – grave 117; 2 – grave 278; 3 – grave 277; 4 – grave 265; 5 – grave 288; 6 – grave 260.

A – a fragment of the red-glazed ware; B – a fragment of the hand-made vessel; C – stone.

Крышки из фрагментов красноглиняной посуды отмечены в 21 (17,2%) погребениях (рис. 5: 6, 7; 7: 1-13). Практически всегда это фрагмент стенки. В нескольких комплексах стенки имели рифление (рис. 5: 7; 7: 1-3). В одном случае обнаружен фрагмент дна кольцевого поддона (рис. 7: 5), еще в одном фрагмент стенки амфоры с основанием ручки (рис. 7: 6).

Крышки из фрагментов лепных сосудов обнаружены в 19 (15,6%) погребениях

(рис. 5: 8, 9; 8: 1-12). В подавляющем большинстве это были фрагменты стенок, и только в двух случаях в качестве крышки использовалось дно лепного сосуда (рис. 8: 9, 12).

Крышки из фрагментов сосудов имеют больший размер, чем крышки из камня, достигая в отдельных случаях размера 20x25 см.

Картографирование различных типов крышек в погребальных сооружениях, дало интересную информацию по распространению различных материалов, из которых они

Рис. 5. Могильник Фронтвое 3. Керамические сосуды, накрытые «крышками». 1 – могила 281; 2 – могила 28; 3 – могила 111; 4 – могила 301; 5 – могила 303; 6 – могила 237; 7 – могила 27; 8 – могила 131; 9 – могила 44.

Fig. 5. Frontovoye 3 burial ground. Ceramic vessels with "lids". 1 – grave 281; 2 – grave 28; 3 – grave 111; 4 – grave 301; 5 – grave 303; 6 – grave 237; 7 – grave 27; 8 – grave 131; 9 – grave 44.

были изготовлены. Среди погребений крайнего северо-запада, относящихся к наиболее ранним комплексам, характерно использование практически только каменных крышек, с середины II века применяются как каменные, так и керамические крышки. К концу II – 1-й половине III в. опять начинают преобладать каменные крышки. Начиная со 2-й половины III в. использование крышек для перекрытия сосудов практически прекращается, для IV в. известны только несколько комплексов.

Для лучшего понимания специфики использования крышек необходимо рассмотреть материал их изготовления в сравнении с материалом изготовления самих сосудов. К первому периоду существования могильника (конец I – 1-я половина III в.) относится только 6 погребений, где лепная керамика была использована в погребальном обряде (могилы 180, 255, 62, 224, 118, 218) (Суханов, 2020, с. 75; рис. 5-8). Из них 4 датируются не ранее конца II в., а 2 относятся к середине –

Рис. 6. Могильник Фронтвое 3. Керамические сосуды с каменными «крышками».

1 – могила 30; 2 – могила 51; 3 – могила 203; 4 – могила 323; 5 – могила 332; 6 – могила 287; 7 – могила 179; 8 – могила 71; 9 – могила 138; 10 – могила 210; 11 – могила 219; 12 – могила 290; 13 – могила 239; 14 – могила 315; 15 – могила 64; 16 – могила 278.

Fig. 6. Frontovoye 3 burial ground. Ceramic vessels with stone «lids». 1 – grave 30; 2 – grave 51; 3 – grave 203; 4 – grave 323; 5 – grave 332; 6 – grave 287; 7 – grave 179; 8 – grave 71; 9 – grave 138; 10 – grave 210; 11 – grave 219; 12 – grave 290; 13 – grave 239; 14 – grave 315; 15 – grave 64; 16 – grave 278.

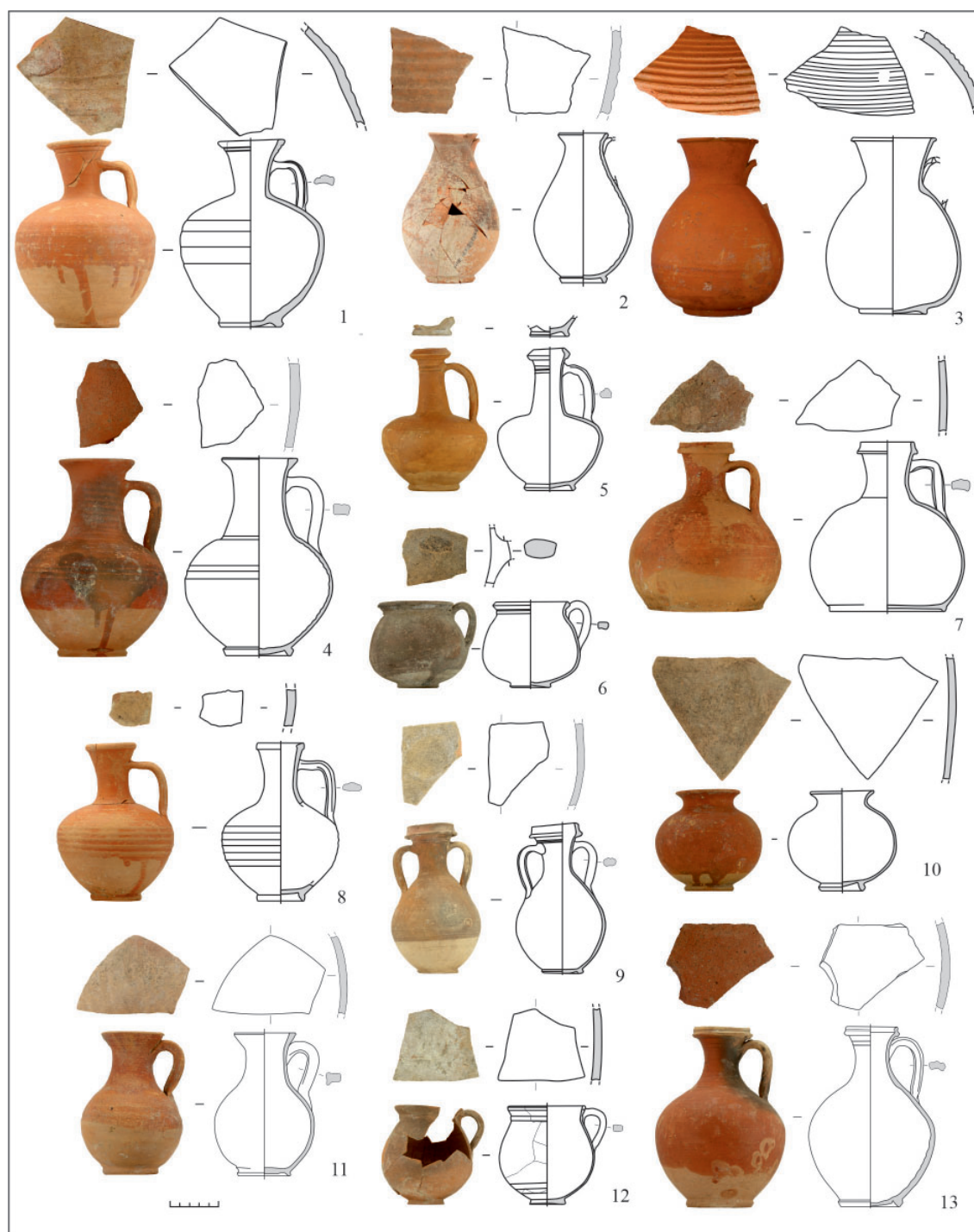

Рис. 7. Могильник Фронтвое 3. Керамические сосуды с краснолаковыми «крышками».

1 – могила 122; 2 – могила 162; 3 – могила 27; 4 – могила 221; 5 – могила 302; 6 – могила 235; 7 – могила 313; 8 – могила 199; 9 – могила 270; 10 – могила 234; 11 – могила 127; 12 – могила 274; 13 – могила 200.

Fig. 7. Frontovoye 3 burial ground. Ceramic vessels with red-glazed ware «lids». 1 – grave 122; 2 – grave 162; 3 – grave 27; 4 – grave 221; 5 – grave 302; 6 – grave 235; 7 – grave 313; 8 – grave 199; 9 – grave 270; 10 – grave 234; 11 – grave 127; 12 – grave 274; 13 – grave 200.

2-й половине II в. При этом перекрытия посуды лепными крышками известны в первый период не менее чем в 15 комплексах, в большинстве своем они датируются серединой II – 1-й половиной III в, а отдельные могилы

(324, 194) и более ранним периодом, и соотносятся с началом – серединой II в. Исходя из вышесказанного, становится очевидным, что лепная посуда в первый период развития могильника в погребальном обряде практиче-

Рис. 8. Могильник Фронтвое 3. Керамические сосуды с лепными «крышками».

1 – могила 138; 2 – могила 194; 3 – могила 150; 4 – могила 217; 5 – могила 238; 6 – могила 288; 7 – могила 132;
8 – могила 324; 9 – могила 265; 10 – могила 58; 11 – могила 291; 12 – могила 221.

Fig. 8. Frontovoye 3 burial ground. Ceramic vessels with hand-made «lids».

1 – grave 138; 2 – grave 194; 3 – grave 150; 4 – grave 217; 5 – grave 238; 6 – grave 288; 7 – grave 132; 8 – grave 324;
9 – grave 265; 10 – grave 58; 11 – grave 291; 12 – grave 221.

ски не используется, а вот фрагменты лепных сосудов в качестве своеобразных крышек активно применяются.

Ранее для могильника Фронтное 3 были выделены три погребальных практики, для каждой из которых определен набор признаков. Первая датируется концом I – 2-й половиной II в., вторая – 1-й половиной II – рубежом III – IV в.; третья 1-й четвертью IV – началом V в. (Свиридов, 2024б, с. 18-19). При картографировании расположения погребений, в которых присутствует перекрытие керамического сосуда крышкой, стало очевидно, что этот обряд практически прекращает свое существование совместно с исчезновением погребений, выполненных по второй погребальной практике.

Среди захоронений, соотносимых с со вторым периодом существования могильника, подобный обряд выявлен всего в нескольких комплексах (рис. 3). При этом только одна могила (№138) может быть точно соотнесена с третьей погребальной практикой.

В могиле 92 в разных подбоях захоронены индивиды, обряд погребения которых выполнен по разным погребальным практикам (Свиридов, Языков, 2023, с. 117-118; рис. 293-296). В северном подбое совершенно женское захоронение с выполнением обрядовых норм второй практики (два сосуда за головой совместно с заупокойной пищей в виде части туши КРС, расплуженной на полу, а также наличие стеклянного сосуда в правой руке). В южном подбое погребен мужчина, за головой которого присутствует расширенный набор посуды, представленный тремя стеклянными сосудами, среди заупокойной пищи помимо мяса КРС обнаружено так же куриное яйцо. Именно в северном, женском погребении, выполненном по второй практике, керамический кувшин накрыт крышкой в виде стенки лепного сосуда.

Еще один интересный комплекс расположен на крайнем юго-западе могильника в зоне погребений начала V в. В могиле 51, в южном подбое был захоронен мужчина, в голове которого располагался кувшин, накрытый камнем (Свиридов, Языков, 2023, с. 70-71; рис. 163-167). При рассмотрении комплекса сопроводительного инвентаря выяснилось, что набор посуды в южном подбое представлен одним краснолаковым кувшином, к которому добавлены два стеклянных сосуда,

в отличие от северного, где расчищен многочисленный посудный набор. Помимо этого, в южном подбое не обнаружены ни кости птицы, ни яичная скорлупа. Подобная ситуация отмечена также и в грунтовой могиле 44, расположенной на стыке раннего и позднего периода могильника, но выполненной по второй погребальной практике, где сосуд был перекрыт лепной стенкой (Свиридов, Языков, 2023, с. 65-66; рис. 145-147).

Единственной могилой, в которой крышки на керамических сосудах соотносятся с третьей погребальной практикой, является детская двухподбойная могила 138 (Свиридов, Языков, 2024, с. 34; рис. 69-71). В ней в обоих подбоях в сосудах открытых форм располагалась яичная скорлупа, в северном подбое кружка была накрыта стенкой лепного сосуда, а в южном подбое кувшин накрыт рваным камнем.

Происхождение обряда

Наиболее простым объяснением появления черты обряда в виде накрытия сосудов своеобразными крышками, является предположение о заимствовании ее от практики перекрытия керамических урн кремационных захоронений. Подобная норма известна в Юго-Западном Крыму. В частности, она широко применялась в погребальном обряде Херсонеса (Зубарь, 1982, с. 54). А также среди погребений могильника, насчитывающего наибольшее количество кремационных погребений в регионе – некрополе Севастопольский (Совхоз-10) (Стржелецкий, 1954, рис. 8, 23, 27; Стржелецкий и др., 2003-2004, с. 48; рис. 11). Известны подобные примеры и на Чернореченском могильнике (Веймарн, 1950, карточка 57). Среди погребальных комплексов черняховской культуры перекрытие (покрытие) погребальных урн в кремационных погребениях также достаточно частое явление (Никитина, 1985, с. 68).

Здесь нужно отметить два важных момента, противоречащих этой гипотезе. Во-первых, на могильнике Севастопольский (Совхоз-10) перекрытие керамических урн, используемых для кремации, очень частое явление. В качестве своеобразных крышек используются чаще всего разнообразные сосуды открытых форм, а также стенки и придонные части других, как краснолаковых, так и лепных сосудов. Но для керамики, располагаемой в наборах заупокойной пищи, обрядовая норма

перекрытия посуды крышками не характерна. Таким образом, связи между этими двумя практиками не прослеживается.

Во-вторых, как показали материалы некрополя Фронтное 3, обрядовая черта в виде перекрытия посуды начала активно применяться с самых ранних этапов существования могильника, то есть с конца I в. н.э. При этом основной объем кремационных захоронений, известных на варварских памятниках в округе Херсонеса, датируется III в.

Показательным и в этом вопросе являются ряд захоронений могильника Фронтное 3. В нем в одноподбойных могилах 28,30, в южном подбое могилы 62, в комбинированных (ингумация+кремация) погребениях могил 78, 281 обнаружены кремационные захоронения в виде скопления пережженных костей без керамических урн. При этом во всех указанных комплексах присутствовали сосуды закрытых форм, накрытые крышками (Свиридов, 2022, рис. 2: 3, 6; 3: 1, 38; 5: 52). Материал этих погребений показывает, что для населения, хоронившего в них своих близких, общеприменимая для памятника практика расположения заупокойной пищи была важнее расположения праха усопших в специальных урнах, связано это было по всей видимости с тем, что местом упокоения погребенного являлась, видимо, сама подбойная камера.

В ряде последних работ, посвященных кремационным погребениям Крыма, высказывается мнение о существовании подобной традиции в Крыму длительный период, охватывая время с I в. до н.э. до конца IV в. н.э., возможно и начала V в. н.э. (Стоянова, 2024, с. 225), либо еще длительнее с VI в. до н.э. по V в. н.э. (Зайцев, 2024, с. 119). При этом большинство исследователей соглашаются, что основной объем кремационных захоронений связан именно со временем II - III вв., для которого и характерны перекрытия керамических урн. Пока еще мало изученные памятники, обнаруженные в Байдарской долине с кремационными комплексами рубежа эр – первых веков н.э., не дают информации о наличии в них рассматриваемой в статье погребальной обрядовой черты (Савеля, Савеля, 2018; Нессель, 2018).

Исходя из этих двух озвученных моментов, становится очевидным, что обрядовая норма в виде перекрытия своеобразными крышками керамических урн для кремационных погребений

и керамических сосудов, используемых для ритуальных подношений, имеют две разные линии происхождения.

Аналогии

Анализ архивных и опубликованных материалов могильников Юго-Западного Крыма показал, что накрытие крышками именно сосудов, используемых в наборе заупокойной пищи, явление за пределами Бельбекской долины малоизвестное. Единичные случаи встречены на отдельных памятниках. В Усть-Альминском некрополе в могиле 754 датированной концом I – 1-й половиной II в., на венчик краснолакового кувшина был поставлен краснолаковый канфар (Пуздровский, Труфанов, 2017, с. 22; рис. 41). В грунтовом склепе №6 могильника Чернореченский в ногах погребного среди набора инвентаря были расчищены две лепные чаши, накрытые перевернутыми краснолаковыми чашками (Веймарн, 1950, карточка 19-21). Непосредственно крышкой из фрагмента камня накрыты сосуды в нескольких могилах, датированных рубежом эр – 1-й половиной I в. (могила 44) и I - II вв. (могила 7) в могильнике Красная Заря (Белый, Неневоля, 1995, с. 8-9; рис. 20; Зайцев и др., 2003, с. 7; рис. 13). Подобная обрядовая черта обнаружена также в отдельных комплексах Битакского могильника, датированных концом I – серединой II в. (Пуздровский, 1996, с. 81-82; рис. 439, 444).

Значительно больше случаев известно на некрополе Бельбек IV. Всего на памятнике за все годы исследований открыто не менее 46 погребений, в которых керамическая посуда, используемая в заупокойной пище, была бы перекрыта своеобразными крышками (Гущина, Журавлев, 2016; Труфанов, Стоянова, 2023). По типам перекрытой посуды так же, как и на Фронтном, преобладают краснолаковые кувшины, на обоих памятниках они составляют около 74 % (табл. 1). Вторым типом по массовости встречаемости являются краснолаковые кружки – 8,7 %. Остальные формы представлены единичными случаями. На Бельбеке IV форма и материал самих «крышек» отличается от Фронтного 3. Преобладают так же каменные крышки, их насчитывается 19 случаев (41,3%). Вторую значительную группу представляют целые сосуды различных форм. Подобная ситуация отмечена не менее чем в 17 погребениях (37%). Чаще всего это краснолаковые кубки, они обнару-

жены в 11 могилах. В отдельных погребениях обнаружены сосуд грушевидной формы, одноручный сосуд, а также такие формы, как кружка, тарелка, горшок, канфар, чашечка. Наименьшую группу составляют фрагменты стенок амфор, подобные случаи отмечены в 10 захоронениях (21,7%). Использование стенок лепных сосудов в качестве крышек на могильнике Бельбек IV не зафиксировано.

За пределами Крыма подобная обрядовая черта также не имеет распространения. В синхронных памятниках Прикубанья, Волго-Донского региона, Приуралья не была обнаружена подобная практика. Не выявлена она и среди круга черняховских памятников.

Аналогии неожиданно нашлись в достаточно удаленной от Крыма части Евразии, на памятниках юго-западного Семиречья (Казахстан) среди погребений первой половины I в. Отдельные комплексы были открыты в могильниках Актас I и Караша. Несмотря на то, что большинство захоронений на обозначенных памятниках были сооружены в подбоях или грунтовых ямах под курганными насыпями, обряд захоронения достаточно схож. Погребенные уложены вытянуто на спине, за головой располагалась керамическая посуда и рядом с ней заупокойная пища, представленная мясом барана. В могильной яме кургана 74 могильника Караша, в голове погребенного лепная чаша, перекрытая каменной плиткой, кости барана и железный нож (Максимова, 1976, с. 170). В могильнике Актас I, в отдельной группе курганов зафиксировано не менее трех случаев подобного обряда (курганы 12, 21, 42), в некоторых из них рядом с сосудом располагались кости барана и железный нож (Акишев, 2024, с. 150, 161, 183; рис. 3.90, 3.91, 3.126). Авторы публикаций не дают узких хронологических рамок погребений, в которых зафиксирована подобная обрядовая черта. Поэтому приведенные аналогии могут выступать больше как яркий пример существования схожих элементов погребального обряда на разных территориях.

Заключение

Пока остается неясным вопрос, почему известная, но мало распространенная в Крыму обрядовая норма, представленная накрытием керамических сосудов своеобразными крышками, получила большее распространение именно у отдельных групп населения долины реки Бельбек. Помимо этого, остаются открытыми целый ряд вопросов относительно этой обрядовой черты: 1) непонятен принцип выбора материала для перекрытия сосуда, обусловлено ли это случайностью или это определенным регламентированным процессом; 2) с чем связано, использование на Фронтном 3, в качестве крышек фрагментов стенок лепной посуды, тогда как среди сосудов, связанных с заупокойной пищей вплоть до конца III в. лепные сосуды практически не используются; 3) неясным также остается принцип выборности применения подобного обычая на памятниках, связано ли это с содержимым сосуда или другими процессами.

Проведенное исследование показало, что на отдельных могильниках, расположенных в долине реки Бельбек, широкое распространение получила обрядовая черта в виде перекрытия, используемых среди набора заупокойной пищи сосудов закрытых форм своеобразными крышками, выполненными из разных материалов. Подобная практика за исключением отдельных комплексов на некоторых синхронных памятниках, не характерна для погребальных комплексов Юго-Западного Крыма. При этом для населения, оставившего могильник Фронтное 3, перекрытие сосудов наряду с другими отдельными чертами погребального обряда (такими как расположение стеклянного сосуда в районе правой кисти, широкое применение подбойных могил без каменного заклада, распространения каменного заклада в виде навал камней), по всей видимости является локальной обрядовой чертой, которая на данный момент не имеет широких аналогий.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев К.А. Хунну-усуньский комплекс Актас / Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. XXI. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2024. 256 с.

Белый О.Б., Неневоля И.И. Отчет об охранных археологических раскопках могильника первых веков нашей эры у села Красная Заря Бахчисарайского района в 1994 году. Бахчисарай, 1995 // Архив Института археологии Крыма РАН.

Веймарн Е.В. Отчет о работах археологической экспедиции МПИ и Крымского филиала АН СССР // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 556-557, 559. 1950.

Гущина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Западном Крыму. В 2 ч. Ч. 1. М.: Исторический музей, 2016. 272 с.

Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // РА. 2020. № 2. С. 91–110.

Зайцев Ю.П. Кремации Крымского Барбарикума. Археологическая карта и современное состояние источника // КСИА. 2024. Вып. 276. С. 119–139.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., Неневоля И.И. Отчет об археологических исследованиях могильника первых веков н.э. у с. Красная Заря Бахчисарайского района АР Крым в 2002 г. Симферополь, 2003 // Архив Института археологии Крыма РАН.

Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев: Наукова думка, 1982. 144 с.

Максимова А.Г. Курганные могильники Караша I и II // Прошлое Казахстана по археологическим источникам / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 163–182.

Нессель В.А. Керамический комплекс могильника у села Гончарное в Юго-Западном Крыму // Херсонесский сборник. Вып. XIX / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь: Альбатрос, 2018. С. 217–228.

Никитина Г.Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М.: Наука, 1985. 209 с.

Пуздровский А.Е. Отчет о раскопках Битакского могильника в 1989–1992 гг. Симферополь, 1996 // Архив Института археологии Крыма РАН. 646-а.

Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000–2003 гг. Симферополь: ИП Зуева Т.В., 2017. 300 с.

Савеля О.Я., Савеля Д.Ю. Поля погребальных урн в горах Юго-Западного Крыма (по материалам разведок 2014–2015 гг. в Байдарской и Варнутской долинах) // Херсонесский сборник. Вып. XIX / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь: Альбатрос, 2018. С. 269–288.

Свиридов А.Н. Кремационные погребения могильника Фронтное 3 // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А.В. Мاستыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 71–85.

Свиридов А.Н. Хронологические и планиграфические особенности погребальных традиций могильника Фронтное 3 // Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи / Отв. ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антика, 2024а. С. 32–40.

Свиридов А.Н. Погребальный обряд округа Херсонеса в римское время (по материалам могильника Фронтное 3). Автореф. дисс...канд. ист. наук. М., 2024. 30 с.

Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму: в трех частях. Часть 1 / Материалы спасательных археологических исследований. Т. 33. Ч. 1 / М.: ИА РАН, 2023. 460 с.

Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму: в трех частях. Часть 2 / Материалы спасательных археологических исследований. Т. 33. Ч. 2. М.: ИА РАН, 2024а. 452 с.

Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму: в трех частях. Часть 3 / Материалы спасательных археологических исследований. Т. 33. Часть 3. М.: ИА РАН, 2024б. 436 с.

Стоянова А.А. Новый могильник с кремациями римского времени в горном Крыму // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Вып. X. / Глав. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2024. С. 208–231.

Стржелецкий С.Ф. Отчет о разведке могильника III в. н.э. в совхозе №10 в 1954 г. // Научный архив государственного историко-археологического музея-заповедника Херсонес Таврический. Ф.1. Д. 690/5 а, б. 1954.

Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum Plus. 2003–2004. №4. С. 27–277.

Суханов Е.В. Лепная керамика могильника римского времени Фронтное 3 (предварительная публикация) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). 2020. Вып. XXV. С. 66–89.

Труфанов А.А., Стоянова А.А. Некрополь Бельбек IV (исследования 2021 г.) / Археологические памятники Северного Причерноморья 5. Симферополь: Ариал, 2023. 259 с.

Информация об авторе:

Свиридов Алексей Николаевич, младший научный сотрудник. Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); a_sviridov@mail.ru

REFERENCES

Akischev, K. A. 2024. *Khunnu-usunskii kompleks Aktas (Xiongnu-Wusun complex of Aktas)*. Series: Materials and Research on the Archaeology of Kazakhstan. Vol. 21. Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan (in Russian).

Belyi, O. B., Nenevolya, I. I. 1995. *Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh mogilnika pervykh vekov nashei ery u sela Krasnaia Zaria Bakhchisaraiskogo raiona v 1994 godu (Report on the archaeological excavations of the burial ground of the first centuries of our era near the village of Krasnaya Zarya in the Bakhchysarai region in 1994)*. Bakhchisarai. Archive of the Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Veimarn, E. V. 1950. *Otchet o rabotakh arkheologicheskoi ekspeditsii MPI i Krymskogo filiala AN SSSR (Report on the work of the archaeological expedition of the MPI and the Crimean branch of the USSR Academy of Sciences)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, F-1, R-1, dossier 556-557, 559 (in Russian).

Gushchina, I. I., Zhuravlev, D. V. 2016. *Nekropol rimskogo vremeni Belbek IV v Zapadnom Krymu (The Roman period necropolis of Belbek IV in Western Crimea)*. Part 1. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Gavritukhin, I. O., Sviridov, A. N., Yazikov, S. V. 2020. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 91–110 (in Russian).

Zaitsev, Yu. P. 2024. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 276, 119–139 (in Russian).

Zaitsev, Yu. P., Mordvintseva, V. I., Nenevolya, I. I. 2003. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh mogilnika pervykh vekov n.e. u s. Krasnaia Zaria Bakhchisaraiskogo raiona AR Krym v 2002 g. (Report on archaeological investigations of the burial ground of the first centuries AD near the village of Krasnaya Zarya, Bakhchysarai district of the Autonomous Republic of Crimea in 2002)*. Simferopol. Archive of the Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Zubar, V. M. 1982. *Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo I–IV vv. n.e. (Tauric Chersonesus necropolis of the I–IV centuries A.D)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Maksimova, A. G. 1976. In Akischev, K. A. (ed.). *Proshloe Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam (The Past of Kazakhstan based on Archaeological Sources)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 163–182 (in Russian).

Nessel V. A. 2018. In Alekseenko, N. A. (ed.). *Khersonesskii sbornik (Chersonesos collection)* XIX. Sevastopol: "Albatros" Publ., 217–228. (in Russian).

Nikitina, G. F. 1985. *Sistematika pogrebnogo obriada plemen chernyakhovskoi kultury (Systematics of the burial rite of the Chernyakhov culture tribes)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian)

Puzdrovskiy, A. E. 1996. *Otchet o raskopkakh Bitakskogo mogilnika v 1989-1992 gg. (Report on the excavations of the Bitak burial ground in 1989-1992)*. Simferopol. Archive of the Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, inv. 646-a (in Russian).

Puzdrovskiy, A. E., Trufanov, A. A. 2017. *Polevyie issledovaniya Ust-Almingskogo nekropolia v 2000–2003 gg. (Field studies of the Ust-Almingsky necropolis in 2000-2003)*. Simferopol: "IP Zueva T. V." Publ. (in Russian).

Savelya O.Ya., Savelya, D. Yu. 2018. In Alekseenko, N. A. (ed.). *Khersonesskii sbornik (Chersonesos collection of articles)* XIX. Sevastopol: "Albatros" Publ., 269–288. (in Russian).

Sviridov, A. N. 2022. In Mastikova, A. V., Khairtdinova, E. A. (eds.). *Mogilnik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granitsakh Imperii (The Roman Period Burial ground of Frontovoe 3: the Barbarians on the Borders of the Empire)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 71–85 (in Russian).

Sviridov, A. N. 2024. In Aibabin, A. I., Khairtudinova, E. A. (eds.). *Etnokulturnye protsessy na severnykh granitsakh Vostochnoi Rimskoi imperii (Ethnic-cultural processes on the northern borders of the Eastern Roman Empire)*. Simferopol: "Antikva" Publ., 32–40 (in Russian).

Sviridov, A. N. 2024. *Pogrebalnyi obriad okrugi Khersonesa v rimskoe vremia (po materialam mogilnika Frontovoe 3) (The burial rite of the district of Chersonesos in Roman period (based on the materials of the Frontovoe 3 cemetery))*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Sviridov, A. N., Yazikov, S. V. 2023. *Mogilnik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Iugo-Zapadnom Krymu: v trekh chastiakh (Roman period Frontovoe 3 nekropolis in Southwestern Crimea: in three parts)* Part 1. Series: *Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy (Materials of Rescue Archaeological Studies)* Vol. 33 Part 1. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Sviridov, A. N., Yazikov, S. V. 2024. *Mogilnik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Iugo-Zapadnom Krymu: v trekh chastiakh (Roman period Frontovoe 3 nekropolis in Southwestern Crimea: in three parts)* Part 2. Series: *Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy (Materials of Rescue Archaeological Studies)* Vol. 33 Part 2. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Sviridov, A. N., Yazikov, S. V. 2024. *Mogilnik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Iugo-Zapadnom Krymu: v trekh chastiakh (Roman period Frontovoe 3 nekropolis in Southwestern Crimea: in three parts)* Part 3. Series: *Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy (Materials of Rescue Archaeological Studies)* Vol. 33 Part 3. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Stoyanova, A. A. 2016. In Khrapunov, I. N. (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.) II. 20 let issledovaniy mogil'nika Neizats (Crimea during the Sarmatian epoch (II century BC – IV century AD) X. Simferopol: "Nasledie tsysacheletii" Publ., 208–231 (in Russian).*

Strzheletskii, S. F. 1954. *Otchet o razvedke mogilnika III v. n.e. v sovkhوزه №10 v 1954 g. (Report on the survey works of the of the III century AD burial ground at state farm No. 10 in 1954)*. Scientific Archive of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve Chersonesos Tauric. F. 1, dossier 690/5 a, 6. (in Russian).

Strzheletskii, S. F., Vysotskaya, T. N., Ryzhova, L. A., Zhestkova, G. I. 2003–2004. In *Stratum Plus* (4), 27–277

Sukhanov, E. V. 2020. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (25), 66–89 (in Russian).

Trufanov, A. A., Stoyanova, A. A. 2023. *Nekropol Belbek IV (issledovaniia 2021 g.) (Necropolis of Belbek IV (studies in 2021))*. Series: *Arkheologicheskie pamiatniki Severnogo Prichernomoria (Archaeological sites of the Northern Black Sea region)* 5. Simferopol: "Arial" Publ. (in Russian).

About the Author:

Sviridov Aleksey N., Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; a_sviridov@mail.ru

Статья поступила в журнал 31.03.2025 г.
Статья принята к публикации 17.05.2025 г.